

Архиепископ АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ)

Ложный пророк

Гораздо отраднее для сердца говорить о ближнем хорошо, нежели худо, особенно в том случае, если приходится говорить о человеке, с которым делил задушевные беседы; но если ложные похвалы его личности поддерживают собою целую систему ложных убеждений, то надо обличить эту ложь.

Я видался много раз с В. С. Соловьевым от 1886 до 1895 года, да и после, до самой его смерти, не прерывал знакомства с ним. Это был высокоодаренный человек с разнообразными познаниями, с недюжинным талантом поэтическим и с крупным талантом философским. Но он вовсе не был аскетом и вовсе не был человеком искренним. Слишком ранняя знаменитость, — с 23 лет от роду, нравственно извратила его точно так же, как и нескольких близких мне духовных лиц, семейных и монашествующих. Потребность огромной восторгающейся аудитории есть своего рода алкоголизм, и он почти всегда соединяется впоследствии с алкоголизмом запойным, что и случилось с бедным Владимиром Сергеевичем еще в молодости. Он был форменный алкоголик, и в этом заключалась причина его недолгой жизни.

Драпируясь с 25-летнего возраста во внешность Иоанна Крестителя (по известной картине Иванова), Соловьев распространял слухи о своем детстве, о невкушении им мяса и пр., но все это продолжалось до его первого падения и затем сменилось самым разнузданным препровождением времени, хотя бедный философ и продолжал поддерживать слухи о своей святости. Впоследствии, когда нравы публики стали свободнее, наш писатель, уже окончательно распустившийся, довольно бесцеремонно описал свое падение в рассказе «В вагоне» («Вестник Евро-

пы»). Падение талантливого философа шло, конечно, постепенно. Если проследить его постоянное уклонение в сторону то одного, то другого учения, наряду с выражениями скептицизма и цинизма, с осмеянием всего, пред чем он преклонялся в молодости, то читатель легко увидит, что именно тщеславие и чувственность были регуляторами его неустойчивой, хотя повторяю, сильной творческой мысли.

Сперва славянофил — последователь Киреевского, Соловьев начинает склоняться к полонофильству, (на что повлияла одна женщина поляка), к юдофильству и космополитизму, затем далее воспекает папизм, прямо защищает непогрешимость папы в изданной за границей на французском языке брошюре. В это же время он перемигивается с дарвинизмом и революцией, а по временам допускает крайне циничные выходки против всякой вообще этики («грехи и не кайся» и т. п. афоризмы автора).

Собственно начало нравственного уклонения нашего писателя очень скоро последовало за зенитом его учебной славы. Его лекции в 70-х годах привлекали в университет тысячную толпу слушателей, но русская лень не давала ему возможности набирать материала более, чем на 5—6 лекций в году, так что некрологи Соловьева совершенно напрасно называют его профессором Петербургского университета, лишённого кафедры за свои убеждения. Профессором он никогда не был, а был автором нескольких публичных лекций в году на университетской кафедре. Не имея усердия трудиться над составлением целого курса науки, В. С. Соловьев еще в молодости решился на один недобросовестный шаг. Он предложил столичной публике ряд чтений о Богочеловечестве, правда, довольно туманных, но тем более пикантных в глазах нашей немудрой аудитории. Посещать, а затем превозносить эти лекции и устно, и печатно было признаком хорошего тона. И до настоящего времени почитатели покойного философа называют их шедевром его ученого творчества. Однако, увы, эти чтения представляют плагиат с Шеллинга, о чем неоднократно упоминалось в духовных журналах еще в прошлом столетии, но таковых журналов (единственно осведомленных в области наук философских) наши публицисты не читают, да если и прочитали бы, то все равно сделают вид, что не читали, потому что ведь из них едва ли десятый желает знать и говорить истину, а девять из десяти остерегаются лишь такой неправды, за которую можно «оскандалиться».

Та же погоня за славой, которая толкнула талантливого философа на первый плагиат, перегоняла его из лагеря в лагерь, чтобы «угождать всем людям без изъятия». Однако наш

мыслитель был всегда настолько хитер, что в каждой статейке оставляет себе маленькую лазейку, чтобы безнаказанно выбежать из своего лагеря, когда понадобится, — конечно, при помощи лжи, иногда вовсе бесцеремонной. Так например, издавая одной рукою апологию папской непогрешимости, он писал и печатал заявления, что никогда не принимал и не примет католичества (см. его два письма к архимандриту Антонию). В это время он был уже тайным униатом, т. е. исповедовал все католические догматы, принадлежал к римско-католической Церкви, но на началах унии, т. е. с сохранением восточного обряда.

С 1891 года, или ранее, его духовник о. Варнава (в Гефсиманском ските близ Троице-Сергиевой лавры) отказался его исповедовать («исповедуйся у своих ксендзов»), но Соловьев об этом также тщательно умалчивает, как и о своем служении Бахусу, которое свело его безвременно в могилу.

Отступники всегда вооружаются на тех, кто по преимуществу служит для них живым укором. Поэтому Соловьев с особой резкостью и без сохранения какой-либо исторической правды поносил наших славянофилов, идеи которых создали его первоначальную славу в России. Ведь обе диссертации Соловьева («Кризис западной философии» и «Критика отвлеченных начал») есть не что иное, как распространение статей И. В. Киреевского о западной философии. Итак, понося славянофилов, Соловьев старался свести это возвышенное учение о христианской культуре, о культуре моральной, в противовес правовой, — на один политический панславизм и, издеваясь над ним, противопоставлял ему <...> панмонголизм.

Это слово было в полном ходу 15 лет тому назад, а для того, чтобы пускать его в ход, не надо было быть пророком, как выражено в статье в № 383 нашей газеты *. Еще в 1896 г. я переслал академику Васильеву трактат китайского миссионера Иннокентия Ольховского о вооружении Китая, о панмонголизме и неизбежности скорой и страшной войны России с Китаем. Война эта, разыгравшаяся в 1900 году, не оказалась столь страшной, но и Соловьев в своем «пророческом» стихотворении разумел не Японию, а Китай, и явился таким же пророком, как и мы с вами, если заявим, что в феврале наступят оттепели, в марте покажется травка, а летом, вероятно, повторится холера.

Правда, Соловьев не прочь был внушать своим почитателям, будто он существо сверхъестественное и, пропагандируя учение

* Волынская жизнь. 1908.

(один из первых в России) нравственного нигилиста Ницше, он иногда шептал своим друзьям, что очень боится мести дьявола за изданную им книжку «Антихрист», книжку действительно весьма талантливую, близкую по содержанию к святоотеческим толкованиям на Апокалипсис, но отравленную ядом латинской унии и весьма оскорбительно и несправедливо определяющую сущность православия, только как привязанность к старине.

Одною из талантливейших книг по русской философии нужно признать том Соловьева — «Оправдание добра», где автор сообщает науке собственные, весьма свежие философские интуиции и дает блестящие характеристики целым философским направлениям, целым эпохам и культурам.

Однако, имея столько действительных талантов, автор глубоко унизил их желанием представить собою и такие совершенства, коих у него не было, т. е. своим постоянным ломанием, ложью и притворством. Газеты сообщают, будто эти качества не оставляли его и на смертном одре. Он говорил тогда своим близким: «не давайте мне засыпать, я еще должен молиться о спасении евреев» и при этом читал на «еврейском языке псалмы». Мы имеем основательные причины сомневаться в знании Соловьевым псалмов даже на славянском языке, а по-еврейски он умел только разбирать буквы и обходиться кое-как с учебным словарем. Но, видимо, желание «выдавать себя за кого-то великого» (Деян. 8, 9) не оставляло его, как Симона Волхва, и тогда, когда пришел час вознести последнее моление к Божественному милосердию за свою заблудшую душу. Впрочем, все-таки он исповедался и причастился.

Что ж? Спросите вы, — наш великий Соловьев был, по-вашему, жалкий фигляр? Нет, отвечу я, но прежде всего прославлять его стала наша журналистика только лет за 10 до его смерти, когда он начал уже исписываться, но зато стал бесцеремонно якшаться с революционерами и оплевывать свою родину. А чем можно больше угодить нашей публике, как не этим последним? Вспомните литературный вечер в «Бесах» Достоевского и речь помешанного профессора. — Соловьев — не фигляр, это — человек высокого таланта, несомненной учености, но он никогда не отдавался серьезно, всею душой своим убеждениям, а потому часто менял их, или вернее сказать, никогда не имел твердых убеждений. Это барин-озорник, как мне недавно удачно характеризовал один художник Льва Толстого. Барин-озорник, который то в меланхолию ударится, то в флирт, то вообразит себя пророком, то революционером — а рейнское винцо подбадривает фантазию, дамочки — еще более,

и так промотает человек свою жизнь, а о вечности подумать серьезно не успеет.

<...> И увы, именно Соловьев со своим извращенным словом и мыслью приблизил такое господство нашей позорной литературной эпохи, когда заинтересовать читателей, кроме эротомании, возможно только тем, что <...> доказывать целомудрие проституции, японофилов, законность лжи и клеветы и т. п.

Напротив, те высокие идеи исправления полуязыческой европейской культуры началом моральным, этой действительной заслуги Соловьева, за которую Бог простит ему половину его грехов, остались не только не оцененными его младшими современниками и последователями, но даже и не замеченными.

